

Галина ЩЕКИНА

Родилась в Воронеже. Окончила экономический факультет Воронежского университета. С 1979 году живет в Вологде. Работала экономистом, библиотекарем, журналистом. Редактировала местную газету, альманах.

Автор многих книг прозы и поэзии. Публиковалась в журналах «Север», «Подъём», «Дружба народов», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и других изданиях. Финалист премии «Русский Букер» (2008).

ДУНОВЕНИЕ РОЖДЕСТВА

Да-а, завихрило-запело. Вон оно как с утра робко сыпало, тихонько-тихонько, редкими горстями. А теперь сквозь снежинки не видно глубины двора, всё стало туманистым, зыбким. Филипп смотрел на извилистый бег снежных струек и думал, что всё почти хорошо, он уже совсем в норме, молодец. С бутылками завязал, на работу вышел, пусть пока неважноцуку...

Из органов он ушёл по собственному, а техник раньше был способный, вот и решил перебраться на телефонах и цифровиках. И сердечко, хоть и взбрыкивает, но в целом уже заживает. Минуло сорок дней, как он простился со своей женой Идой, пора уже возвращаться в рамки. Что ж, в конце концов, с ума-то сходить? Ей бы точно не понравилось вот это «разводить пожиже», сейчас бы кулачком, средней костяшкой постукала по столешнице: «Филя! А ну-ка...»

Он оглянулся. Эта она позвала или он внутри себя представил, что она позвала?

Надо бы съездить, забрать сына от тети Эллины, чего он там не в своей школе шарашится? Здесь всё было привычно, близко, а тётка своё: «Нет, нет, ему тут будет мучительно». А вот и неизвестно, мучительно или нет? Тут ведь друзья, а там? Когда Борька звонит, всё будто как раньше, мать приучила его отчитываться... А когда не звонит, сразу провал. Тетя Элина тоже больно умна, ещё не отпустит Борьку. Она уже раз десять и так намекала. Ещё при Иде: да отдохните вы, да дайте у меня поживёт. Может, ребёнок не хочет? А чем это кончится? Ничем хорошим не кончится...

Дело к середине декабря, но Филипп не хотел праздников, он отворачивался от них, делал вид, что его это не колышет. Какие могут быть праздники? Кто сказал, что их надо обязательно соблюдать? Почему, чёрт возьми, так прилипчива привычка новогодних застолий и новогодних выпиваний? Ведь это всю ночь ешь и пьёшь, и к чему это приводит? А к тому, что потом встать не можешь! Холодильник забит едой,

а тебе ничего не хочется. Даже красная рыба, обязательный минимум, не нужна. Кстати, что-то он искал в связи с рыбой?

Он вздохнул, потому что при Иде он как миленький всё это соблюдал. По Идее, нужно и теперь. Идея (в девичестве – Мартова) – так звали его жену, скорей всего благодаря причудам номенклатурного папочки. Но сколько бы ни шутил Филипп над этой темой, всё-таки имя её ей подходило.

Честная такая, возвышенная, всё сказанное по телевизору принимала за чистую монету, жадно раскрывала глаза. А мимоходом зайдя на кухню и увидев семейный сериал или политическое шоу, тут же начинала прерывисто дышать. Он, правда, пытался втолковать ей свою версию насчёт эскадронов смерти: что во многих политических убийствах – скажем, Старовойтовой, Щекочихина, Холодова – прослеживается общая подоплёка... Нет-нет, с его прежней работой это не связано, просто он сопоставил некоторые факты. Но она махала на него рукой: нет, не хочу знать этого! Медлительная плавная сероглазка, со своим вечным немодным хвостиком и выбившимися прядями на щеках, она была такая уютная, что её нельзя было не схватить, не поймать...

«Фили-и-ип!» – «Чего-чего?»

Нет, это снова не она, это память. Глаза стали горячими. «А ну-ка!» – и сам себя одёрнул. Вот оно, нашёл! Это ж рецепт засолки красной рыбы. Ида не хотела магазинную, сама делала. Недели за три перед Новым городом они шли и покупали сырую горбушу, а то и форель. Разворачивали на кухне целую солильню! Он чистил, она укладывала куски в глубокие судки, присыпала солью сильно, а сахаром слабо. Забегал Борька, его всего как магнитом тянуло к ним, когда они возились с едой вместе.

«Ой, чего она! Смотрит. Фу», – показывал на рыбу голову.

«Борь, мы приготовим, а на Новый год будет супер. Понял?» – и они потом готовили такие рулетки с сыром и маслинами! Это было волшебство!

Филипп оделся и побежал в супермаркет. Это был выходной день, всё было забито людьми, в кассы стояли плотные очереди. Но уж пошёл, так стой. Кроме горбуши взял в кулинарии свёклу, курагу, орехи, вермишельные гнезда, окорок тамбовский охотничий, томатный сок для себя, персиковый для неё, ей нельзя острое и копчёное... то есть... Ему можно, например, копчёного угря. А надо ещё курочку для бульона, бульон полезен и большим, и маленьким...

Пока стоял, строил рожи в зеркальные витрины. Это были кретинические выражения с косоглазием и вываленным языком. Когда заметил брезгливые взгляды в свою сторону, одёрнул себя. Да, если бы Ида тут стояла, она бы ему устроила! Но ведь было скучно, невыносимо... Шёл и смотрел на почти утонувший в снежной мельтешне парк. Они ведь как? Сначала обычно гуляли, проверяли знакомые деревья, лавки, считали ворон, голубей. Потом заходили в супермаркет, потом... А-а, ладно!

Дома он долго чистил горбушу, строгал, солил-сахарил, потом быстро поел горячих гнезд с ломтиками окорока и томатом. И вышел на балкон.

«Идея Марксовна, – с нежной растерянностью думал он, – всё я сделал. Не сидел без горячего, рыбу заготовил. Скажи, я молодец?»

Снежок поросил бородку и негритянские с проседью волосы, а он сутулился, всё курил да курил. Почему-то смотрел опять в сторону пар-

ка, хотя не видно его было в белом крутеве. Уже было пора бежать отогреваться, а он всё стоял.

«Ида, я в храме тоже всё сделал. И службу отстоял... Ну где ты? Тебе легче от службы в храме? Дай знать, что ты меня слышишь, Ида».

Порыв ветра нанёс с неба сухую ветку, которая вышибла из рук сигарету. Та черкнула по воздуху и упала за балкон. «Ага. Обиделась, что много курю? Но зато не пью. Хорошо, хватит курить. Прости».

Хотя вообще-то Ида никогда его не упрекала. Он, косясь на неё, то лез к форточке, то к вытяжке. А она говорила: «Нечего на балконе мерзнуть, мне твой дым нисколько и не мешает...» Как будто он не мог без этого обойтись! Да и сейчас сможет.

Перед компьютером сидел, машинально скользя с ресурса на ресурс.

Вот её блог. Ага, потом почитаем. А где же пароль? Где-то были её пародии, её рассказы в памяти, надо поискать. Он, правда, это всё читал... Но теперь это ниточка к ней. Ида писала короткие сентиментальные рассказы, в которых не было сюжета, а только настроение да описания всякие. Капельки, дождинки. Всё это так мелко, разноцветно, как бабушкина вышивка крестом. Ида всё время хотела, чтобы он тоже что-то написал, чтобы у них была бы общая игра, но он только огрызался.

«Зачем? У меня нет таланта». – «Но ты художественно мыслишь, посмотри, как ты остроумно объяснил мой вчерашний рассказ...» – «Вот я только объяснять и могу, а писать изнутри – нет. Не умею я это: “ваши пальцы пахнут ладаном”... Враньё всякое сладкое». – «А как бы ты сказал?» – «Ваши волосы пахли котлетами». «Кошмар! – улыбнулась Ида. – Это ты нарочно!»

Да, нарочно, была у него такая привычка: все опускать и высмеивать. Ему всегда было стыдно от высокопарных слов. Филипп обхватил голову руками и сильно сжал. Она, она его зовёт.

Что это? На подоконник прилетел голубь. Кабы не спугнуть его. Голубь был нахохленный и запорошенный. Он повозился там и тукнул клювом в стекло. Белой головой и серым оперением он был похож на одетого в шубу человека. Круглые глаза заинтересованно смотрели прямо на Филиппа. Голубь, символ Духа Святого. Птица, ты зачем сюда? Ты от непогоды или с посланием? От кого?

«Филя... – тонко вьюжило за балконом. – Фи-и-ля-я!»

Он пошёл, рывком открыл балкон и, сложив рупором ладони, крикнул:

– Ида-а! Слышу тебя! Отзовись! Дай знать...

В прихожей что-то грохнуло. Подбежал – со стены свалился барометр, который лет десять, после того как его из какой-то комиссии притащила Ида, не трогали с места. При ней часто что-то падало, но барометр никогда. Кому? Кому, кроме неё, это понадобилось?

Он поднял барометр, приладил. Сделал в зеркало морду: выпучив глаза, растянул рот и оскалился. Ужас! И тут же смешался, сконфузился, потому что – сумасшествие. Надо успокоиться сейчас же! Пошёл, чтобы заглянуть в холодильник, открыл его и достал бутылку «Житомирская на бруньках “Золотая”». Руки его дрожали, как у леченого алкоголика. И он внимательно стал читать надпись: «...изготовленная по оригинальному рецепту из зернового спирта “Люкс”» и специально подготовленной хрустально-чистой воды. Особый вкус и аромат напитку придают липовый цвет, мёд из цветов липы и ароматный спирт березовых почек».

Кто знает, сколько он так простоял? Наконец, понял смысл текста, увидел, что холодильник открыт, и закрыл его. Если он сейчас отхлебнёт, то не оторвётся, пока не прикончит её. А это значит, упадёт прямо на кухне и завтра ни за что не съездит к тете Эллине за Борей. И сын Боря забудет, какое у папы лицо. Нет, не надо... Поставив водку обратно, он скривился от плача. Этот оскал уже не был гримасой, это он сопротивлялся боли.

С утра он прожил целую огромную жизнь, а на часах ещё только восемь вечера. Время стоит на месте. Особенно на трезвую голову, ага. Взял пакетик с курагой и пошел к компьютеру. Единственное живое существо в доме. На мониторе всё ещё было написано «Войти». Он стал наугад тыкать пароль и... вошёл. Так обрадовался! Не знал никакого пароля, честно. А тут как-то взял да и вошёл, сам поменял пароль и видит: «Новая запись пользователя ideya». И пальцы его сами застучали по клавиатуре.

«Сейчас я далеко от дома, но особым зрением вижу, глубоко чувствую всю прелесть мягкой наступившей зимы. Наверное, пруд в парке ещё не замёрз, склоненные гривы ветвей касаются воды, чёрной, неподвижной, графически отсвечивающей то светлым серебром, то угольной чернью. Первые слабые и влажные снега упали на город, дома, сонные рябины у дома. И снова балкон засыпан тёмно-красной ягодой. Я прошу, не сметайте её, пусть птицы шумят, хлопают крыльями и клюют... Но чем дальше улетаю от дома, тем ближе становятся те, кого я там оставила. И хотя не вижу их, всё равно чувствую, только иначе. Раньше была острая тревога за них, даже тоска от наползающей опасности, а теперь покой, только удивлённый покой и тёплые волны долетают до меня. Это они, родные мои Филя и Боря, думают обо мне и зовут меня».

Он не смог написать слово «умерла». Это слово давило на него, как камень. Нет, пусть будет не лобовой вариант. Кнопка «Отправить запись». Вот первая запись после трёх месяцев молчания. И сразу блог принял обычный вид: текст и рядом её маленькое фото спиной, волосы на плечо, полосатый турецкий халатик. Но что же это он написал? Какая-то размазня, честное слово! Какой-то пруд, какие-то ягоды... Пошёл, посмотрел – на балконе уже всё замело, но завтра ягоды нападают опять. Она всегда слишком любила детали, подолгу их разглядывала, как будто можно было что-то понять при помощи крошек и блёсток. Как будто по-своему составляла мир из этих блёсток, люрекса, бисера, стекляруса... Ну хорошо, он попытался написать за неё. За себя он напишет по-своему, если, конечно, будет что писать.

А на её открытой странице уже появились первые отклики.

«Привет, ты вышла из больницы, девочка, счастье какое! Рад». «Разве можно нас бросать так надолго? Sonya lesnaya ведёт пока твоё сообщество, иди смотри, сколько там новостей...»

Пусть её жизнь продлится. Рассказы он за неё, конечно, не напишет, но вот это пусть останется подольше. Ведь если бы она так скоро не улетела, как она сама выразилась, он, наверное, знал бы, что будет делать, о чём думать? Признаться, она всегда думала о разной ерунде. Почему он не носит шарф, совершенно новый и мягкий? Когда привыкнет свои ботинки сушить вовремя? Где Борька распорол новенькие кожаные перчатки и как их починить, чтобы было не очень заметно?

«Ида, мы компьютер выключать не будем, поставим на газ варить курочку, чтобы завтра было что сыну поесть...»

Может быть, конечно, тётя Эллина снова взмётнется волной и не отдаст его, полугодие заканчивается, но погостить-то можно на воскресенье... Филипп начал хлопотать, как нормальный человек перед приёмом гостей. Он внимательно посмотрел на чашки в шкафу и понял, что они все немытые. Пока кипел бульон, он перемыл залежи посуды на столе и в раковине, заодно уж и заляпанную по самые глаза микроволновку. Она так и говорила: «Заляпана по самые глаза».

Чего-то не хватало... А-а, телевизор не подключён, надо будет сходить на той неделе, подключить. Ему не надо, а Боре надо. Кроме того, Борька ещё в прошлом году канючил гирлянду, старая вся уже чинёная-латаная, стала гаснуть и мигать невпопад. Надо будет сходить с ним за новой гирляндой.

От его возни в шкафу опрокинулся термос с полки. Ну-ну, Ида, я уже всё понял. Не на месте. Заглянул – термос вроде не разбился. Налил кипятку проверить.

Шелест воды, звяканье посуды, кипение кастрюли, подслеповатое моргание телевизора, шум вентиляции – каждый звук вдруг сладко отозвался в нём. Это были звуки реальности, и они выводили его из долгой судороги горя. Может, она улетела не так далеко, раз посылает ему сигналы, значит, где-то она есть? Кто, кроме неё, водил его рукой, когда он сочинял запись в её блоге? И до неё дойдут его тёплые волны. Как дошло до него дуновение далёкого ещё Рождества.